

Власть и церковь в Древней Руси: события, личности, идеи

Гайденко П. И.

Можно ли спастись в роскоши? (о быте и пределах аскетических опытов древнерусского монаха XI–XIII вв.)

Жизнь древнерусского монаха не может быть рассмотрена вне его быта, тех условий, в которых он жил, спасал собственную душу и с большим или меньшим успехом вымалывал будущее мира. При всем аскетизме иноческого существования, с принятием ангельского образа чернец не утрачивал своей человеческой природы и сопутствующих ей качеств, а поэтому по-прежнему продолжал нуждаться в денежных средствах, в крове над головой (келье), в тепле, в пище и питье, в одежде, хотя бы в минимальном наборе предметов повседневного быта и, наконец, в помощи других лиц. Если же калугер не ставил перед собой «завышенных» аскетических задач, перечисленный набор необходимого для пребывания в «юдоли плачевной» мог существенно расширяться количественно и видоизменяться в сторону повышения его качества. Этому способствовало возрастание и трансформация идей общежития, введенных Пахомием. Заложенные им принципы не преследовали целей крайнего аскетизма, однако способствовали укоренению принципов братолюбия¹, которые по мере развития монастырского хозяйства и самого византийского общества приобретали самые специфические формы, позволявшие человеку с успехом, не смущая своей доброй христианской совести совмещать иноческие обеты с благами земного мира. Обладание всем этим не только скрашивало серые будни монотонной жизни в кругу братии, но и делало усилия личного подвига и всемирного спасения не столь обременительным и даже удободосягаемым делом. Такое специфическое отношение монахов к обладанию имуществом в V–XII вв. во многом объяснялось не только спецификой уставной жизни иноческих общин. Происходившее нередко извинялось социальным корнями иноков, многие из которых относились к разнообразным, в том числе к экономическим и политическим элитам.

Рассматривая вопросы регламентации повседневной жизни византийского монашества, А. McGuckin совершенно обоснованно обратил внимание на то, что организация быта и труда насельников монастырей империи соответствовала обычаям византийской знати (establishment)². Описанное явление обнаруживается и в древнерусских источниках, прежде всего, в сюжетах Печерского Патерика. Его текст нередко сосредотачивает внимание читателей на прежнем социальном положении того или иного инока.

¹ Эксле О. Г. Проблема возникновения монашества // Другие средние века. К 75-летию А. Я. Гуревича / Сост. И. В. Дубровский, С. В. Оболенская, М. Ю. Парамонова. М.; СПб., 1999. С. 358–375.

² McGuckin J. P. Monasticism in the Christian East: an Introduction. *Orthodox Monasticism Past and Present* / Edited by John A. McGuckin. Piscataway, NJ, 2015, p. 29–30.

Можно ли спастись в роскоши?

Обладание достатком облегчало труд и скрашивало будни чернеца, открывая перед иноком возможность пользоваться немногими и потому весьма ценными благами, какие оказывались доступными в обители: получение вкусной и дорогой пищи³, улучшение условий своей жизни (например, построение кельи, закладка сада или огорода)⁴, выбор посылного послушания, обладание слугами⁵ и в случае необходимости наем иных, более бедных собратьев в услужение⁶. Описанное положение дел вступало в некоторое противоречие с парадигмой существования монашества, заявлявшей о создании мира, противостоящего городу и отличного от «обычного устройства»⁷. Однако присутствие данного несоответствия между декларируемым символическим и действительным «имманентным» лишним раз указывает на неоднозначность оценок, какие можно вынести монашеским формам жизни, системам ценностей и присутствовавшим к кругу иноков практикам организации своей повседневности. В итоге при благоприятном стечении обстоятельств вокруг инока формировались достаток и удобства, которые в условиях современности можно было бы назвать «комфортом» и «уютом». Однако применение перечисленных категорий в отношении Древней Руси XI-XIII столетий требует предельной осторожности.

Действительно, насколько принципиальна разница между уютом, комфортом, достатком и роскошью? То, что все эти качественные характеристики жизни относительны, не вызывает каких-либо сомнений. Столь же очевидно и то, что все они могли пересекаться и сочетаться между собой. Тем не менее, в условиях средневековья и монашеской культуры, предполагающей в том числе материальный аскетизм, вопросы обладания имуществом не столь однозначны. Например, всякий ли жизненный достаток допустимо отождествлять с роскошью? Допустимо ли оценивать стремление инока к уюту, в качестве нарушений данных им обетов? Насколько согласуется монашеский идеал нестяжания с обладанием имуществом, вкусной качественной, дорогой едой и жизнью в хоро-

³ О том, что вкусная и дорогая пища, противоречащая нормам иноческой аскезы, могла присутствовать в рационе иноков сообщают патериковые сказания о некоем духовном сыне пресвитера Онисифора: «постник ся являясь лжею и целомудр ся творяб втайне же ядый и пиа» (Киево-Печерский Патерик // БЛДР: Т. 4: XII век / под ред. Д. С. Лихачёва, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Понырко. СПб., 2004. С. 362, 363).

⁴ Своей кельей и собственным садом в монастыре обладал князь-инок Николай Святоша. Правда, Патерик сообщает о том, что подвижник обзавелся всем этим по воле игумена и братии: «И тако, игуменею волею и всеа братия, принужден бысть келию себе имети, юже сътвори, яже и доныне зовома естъ "Святошина", и оград, его своима рукама насади» (Там же... С. 376, 377). Собственный огород имел и преподобный Григорий Чудотворец: «Имеаше же сей блаженный мал огородецъ, идеже зелие сеаша и древа плодови-та» (Там же... С. 406, 407).

⁵ Так, за Пименом Многострадальным ухаживали его родители (Там же... С. 468, 469). Описанное не противоречило византийской практике, допускавшей возможность присутствия при состоятельном иноке слуг (Морозов М. А. Императорское ктиторство при Комнинах и Российские традиции // Труды кафедр истории России с древнейших времён до XX в. / отв. ред. А. Ю. Дворниченко. СПб., 2006. С. 371).

⁶ О такой практике недвусмысленно говорит патериковый рассказ о святом Афанасии Затворнике: «богатым бо всяк тщится послужити и в животе, и при смерти, да наследит что» (Киево-Печерский Патерик... С. 373).

⁷ Браун П. Поздняя Античность // История частной жизни / под ред. Ф. Арьеса и Ж. Дюби. Т. 1: От Римской империи до начала второго тысячелетия / под ред. П. Вейна и др. М., 2017. С. 328-331.

шем помещении? Способствуют ли комфорт и материальные богатства спасению монаха, или же они, напротив, препятствуют достижению им Небесных благ? Несомненно, что все эти вопросы могут быть полностью разрешены только в конкретной ситуации, в сравнении с чем-то подобным. Но в любом случае некоторое уточнение используемых терминов необходимо.

Вопрос о достатке и о роскоши в иноческой среде, как это ни странно, не предполагает однозначного разрешения. Так, представление о «богатстве» в древнерусской литературе, созданной не без участия монашества, обладало положительными смыслами. В нем видели божественное благословение⁸. Представление о богатстве как о безмерном материальном изобилии начало формироваться только в XV в.⁹ В описываемую эпоху XI-XIII столетий богатство оценивалось положительно.

Действительно, Печерский патерик, сообщая о том, что тот или иной конкретный инок располагал средствами, позволявшими ему безбедно существовать, не видело в этом греха. Так, например, в Патерике ни одним словом не оговаривается и не обсуждается высокий достаток князя Николая Святоши, покупавшего дорогие книги, свободно выбиравшего себе послушание, построившего себе келью и заложившего около нее сад¹⁰. Однако предметом внимания, приводившего к осуждению собрата, становилось иное, неспособность чернорица смириться с утратой своего достатка. Собственно, весь Патерик пронизан историями, призванными научить смиреннию¹¹. Именно так оцениваются в Патерике образы преподобных Еразма и Арефы¹². Не менее показательный пример монашеской гордости и «прижимистости» запечатлен в Житии Феодосия. Это история о том, как в Печерскую обитель за помощью пришел некий бедный священник. Он нуждался в вине для Литургии. Местный пономарь не только отказал просителю, но и повел себя в отношении священника довольно грубо. Примечательно, что, даже получив согласие Феодосия на выдачу вина, пономарь продолжал скупиться и проявлять неуважение к иерею. В итоге сюжет ещё раз подчеркнул щедрость Феодосия и обличил неразумную жадность служившего при алтаре чернеца¹³. Правда, в этой истории монастырское вино, находившееся в руках служки, не было его собственностью и принадлежало обители. Тем не менее скупость пономаря не нашла поддержку со стороны Феодосия.

В качестве полной противоположности пономарю может рассматриваться патериковый пример в образе преп. Прохора. В условиях междоусобной войны, вызванной ослеплением князя Василька Тербовольского¹⁴, Киев перестал получать соль. В городе возник дефицит этого крайне важного продукта. Боль-

⁸ Колесов В. В. Древняя Русь: наследие в слове. В 5 кн.: Кн. 3: Бытие и быт. СПб., 2004. С. 213-222.

⁹ Там же. С. 222.

¹⁰ Киево-Печерский Патерик // БЛДР: Т. 4: XII век. С. 376-381.

¹¹ См. подробнее монографию: Дорощева Л. Г. Человек смиренный в агиографии Древней Руси (XI – первая треть XVII века) // Герменевтика древнерусской литературы: Сб. 16-17 / отв. ред. М. В. Первушин. М., 2014. С. 9-388.

¹² Киево-Печерский Патерик... С. 384-389.

¹³ Житие Феодосия Печерского // ПЛДР: XI – начало XII века / сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачёва. М., 1978. С. 362-364.

¹⁴ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 233-236; Тихомиров М. Н. Крестьянские и городские восстания на Руси XI-XIII вв. // Тихомиров М. Н. Древняя Русь. М., 1975. С. 135; Гайденко П. И., Филиппов В. Г. Несколько замечаний о интересах церкви в восстании 1113 г. // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2011. Вып. 2. С. 173-184.

шие запасы изрядно подорожавшего товара оставались в Печерской обители, но князь Святополк «пограби» и их. Тем не менее, по молитвам преподобного соль «чудесным образом» все же обнаружилась в обители. Её то Прохор и начал на своё усмотрение бесплатно раздавать приходившим к нему горожанам¹⁵. Такое поведение инока стяжало ему славу святого.

Большому осуждению подвергалось злоупотребление достатком или возникавшее на этой основе невнимание к минимальным нуждам иных собратьев. Именно такой укор прозвучал в адрес не названного по имени печерского игумена за то, что тот не побеспокоился об умершем монахе Афанасии: «Ночью же явился некто игумену, говоря: «Человек Божий этот второй день лежит неподвижным, а ты веселишься»¹⁶. Ещё более безжалостный укор заслужил духовный сын преп. Онисифора, некий монах, «который, лицемерно подражал житию этого святого [Онисифора – П.Г.]: притворялся постником и целомудренником, втайне же ел и пил и жил распутно. И так проводил лета свои». Тело согрешившего монаха должны были выбросить в Днепр¹⁷. Оба примера показательны. Они не дают прямых указаний на то, что виновные в таком недостойном поведении, владели богатствами. Но очевидно, что упомянутые иноки, чьи имена автор патерикового рассказа благоразумно предпочел скрыть, игумен и безымянный духовный сын Онисифора, обладали возможностью пребывать в «веселье» или же «есть и пить».

Древнерусский книжник, чуткий к слову, очень аккуратно выбирал слова. В отличие от «радости», чувства божественного и благочестивого, «веселье» – слово, указывающее на избыток этой радости или чувства в области материального удовлетворения. Чаще всего «веселье» характерно для пира¹⁸. Именно так говорит об этом князь Владимир о невозможности отказаться от употребления вина, отвечая мусульманскому проповеднику в легенде о выборе вер: «а о питий отинудь рек. Руси веселье питье. не можем без того быти»¹⁹. А значит, все приведённые примеры употребления слова «веселье» указывают на обильную вкусную еду, сопровождающуюся возлияниями. Таким образом, безымянные монах-пономарь и игумен, занимавший высшую иерархическую позицию в монастыре, должны быть отнесены к лицам состоятельным или, в случае игумена, персонам, имевшим доступ к существенным материальным ресурсам обители.

Повествование о житии и подвигах печерского иконописца Алимпия даёт основание говорить ещё об одной специфической черте монастырского сознания. Не подвергалась осуждению и даже поощрялась ситуация, при которой инок мог обладать личными источниками дохода, например, от продажи результатов собственного труда²⁰, изготовления и написания икон²¹. Обители нуждались во внешней поддержке, поэтому материальный достаток иноков значительно облегчал гнет монастырских расходов. К тому же богатства иноков слу-

¹⁵ Киево-Печерский Патерик... С. 430-433.

¹⁶ Там же. С. 372-375.

¹⁷ Там же. С. 362, 363.

¹⁸ Колесов В. В. Древняя Русь: наследие в слове: Кн. 3. С. 238-244.

¹⁹ Несомненно, это указание на Евхаристию. Но пока это только чувственный прообраз Причастия; образ, ещё лишенный духовной радости и наполненный чувственным весельем (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 72).

²⁰ Житие Феодосия Печерского... С. 330, 331.

²¹ Киево-Печерский Патерик... С. 456-467.

жили важным источником финансового благополучия монастырского хозяйства. Впрочем, и городское духовенство не пренебрегало дополнительными источниками дохода, например, тем же иконописанием, производством ювелирных изделий²² или даже проведением кредитных операций²³.

Показательно, что при всем стремлении Феодосия привить братии высокие аскетические идеалы и полный отказ от владения чем-либо²⁴, идея материального достатка не была утрачена. С точки зрения составителя Патерика обладание монахами значительными средствами не рассматривалось в качестве греха. Такая ситуация, напротив, воспринималась как естественное положение дел, указывающая на духовное и социальное благородство инока. Правда, преп. Феодосий не рассматривал таковое, в качестве достаточного основания для пострига²⁵. Однако, восхищаясь духовными подвигами Феодосия, составитель Патерика не отличался подобной же категоричностью. Начиная повествование о целом ряде насельников монастыря, книжник особо отмечал не только высокое «социальное» положение инока, но и на присутствие в руках того или иного чернориза существенных материальных средств (богатства). Именно так начинаются патериковые рассказы о Евагрии Постнике, князе-иноке Николае Святоше,

²² Наиболее яркое подтверждение этого – результаты раскопок на месте дома Алексия Гречина в Новгороде (Колчин Б.А., Хорошев А. С., Янин В. Л. Усадьба новгородского художника XII в. М., 1981. С. 114-159).

²³ Вопросы Кирика, Саввы и Ильи, с ответами Нифонта, епископа Новгородского, и других иерархических лиц // РИБ. Т. 6: Памятники канонического права: Ч. 1: Памятники XI-XV в. СПб., 1880. Стб. 24-25 [Кирик 4].

²⁴ Среди обилия сообщений об усилиях преп. Феодосия, направленных на насаждение среди братии монастыря принципов нестяжания и смирения, особо выделяется следующий фрагмент: «Именно поэтому постоянно обходил он кельи учеников своих, и если что-либо находил у кого — или пищу какую, или одежду, помимо предписанной уставом, или имущество какое, то изымал это и бросал в печь, считая за дело рук дьявольских и за повод для греха. И так говорил им: "Не следует, братия, нам, монахам, отвергшимся всего мирского, держать имущество в кельях своих. Как же можем мы с чистой молитвой обращаться к богу, имея в кельях своих сокровища? Послушайте, что об этом говорит господь: «Где сокровища ваши, там и сердца ваши»; и еще о тех, кто собирает их: «Безумный, в эту ночь душу твою возьму, а собранное тобой кому достанется?» Поэтому же, братия, будем довольствоваться одеждами, разрешенными уставом, и пищей, что получаем в трапезной от келаря, а в кельях ничего подобного не будем хранить, и тогда со всем усердием и всей душой устремимся на чистую молитву к богу». И такими и иными словами постоянно убеждал их и поучал их со всем смирением и со слезами» (Житие Феодосия Печерского... С. 330-331, 334-335, 344-345, 358-359).

²⁵ «Если же кто приходил к нему, чтобы стать монахом, не прогонял ни бедняка, ни богатого, но всякого принимал со всем радушием, ибо сам на себе все это испытал, как поведали мы об этом выше: когда пришел он из города своего, желая постричься в монахи, и обходил один за другим все монастыри, не хотели его принимать — богом так было задумано для его искушения. И вот, вспоминая все это, как трудно может быть человеку, желающему стать монахом, блаженный всегда с радостью принимал приходивших к нему. Но не сразу такого постригал, а давал ему пожить, не снимая с себя мирской одежды, пока не привыкал тот к уставу монастырскому, и только после этого облачал его в монашеское одеяние; и также испытывал его во всех службах, и лишь после этого постригал и облачал в мантию: когда станет тот искушенным чернецом, безупречным в житии своем, тогда и удостоится принятия монашеского чина» (Житие Феодосия Печерского... С. 334-335).

Еразме, Арефе, Феодоре, Исакии и др.²⁶ Не менее примечательно ещё одно обстоятельство – монах мог защищать своё богатство. История Антония Римлянина в данном отношении показательна, поскольку весьма подробно описывает то, как инок, у которого местные жители попробовали отобрать богатства, был вынужден обратиться в суд и выиграл дело²⁷.

Вместе с этим патериковая или житийная тема о наличии у монахов сокровищ нередко сопровождается рассказами об искушениях, сопутствовавших иноку, если оказывавшиеся в его распоряжении деньги или вещи не были отмечены благословением свыше или же монах испытывал пристрастие к тому, чем он обладал²⁸.

И всё же, касаясь столь сложной проблемы, приходится ещё и ещё раз признать очевидное – насельники обителей нуждались в средствах, а с их получением и в преумножении таковых. Отмеченная потребность объяснялась не только социальным происхождением чернецов, многие из которых не утрачивали вкуса к жизни даже с принятием пострига. Примечательно, что по мере своего иерархического восхождения некоторые из них окружали себя роскошью и довольством, недоступными в повседневной жизни даже многим представителям знати. Так, например, созданный выходцем из Печерского монастыря Ефремом епископский замок поражал своими размерами и устроенной на византийский манер богато украшенной баней (термами), не только современников, но и археологов²⁹. Не меньшим ценителем жизни оказался еще один выходец из прославленной обители на берегах Днепра, Нифонт Новгородский, завсегда пиров и человек, хорошо разбиравшийся в удобствах быта состоятельных византийцев³⁰. Столь же ярки сетования владимирского епископа Симона на вынужденное и смиренное, подобное «проклятью» обладание властью и огромными богатствами, которые он готов променять на то, чтобы «валиться сором, попираемым людьми, в Печерском монастыре, или быть одним из убогих, просящих милостыню у ворот честной той лавры»³¹. Но даже если инок не восходил на кафедру, а его «карьера» не достигала вершин апостольского служения, то и в этом случае его потребности в хорошей еде и достойных условиях жизни, не утасали.

²⁶ Киево-Печерский Патерик... С. 366-367, 376-377, 384-385, 386-387, 442-443, 474-475.

²⁷ Сказание о житии преподобного Антония Римлянина // Святые русские римляне: Антоний Римлянин и Меркурий Смоленский / подг. текстов и исслед. Н. В. Рамазановой. СПб., 2005. С. 259-262.

²⁸ Особенно показательно в данном отношении сказания об Арефе, Евагрии, а также о монахах Феодоре и Василии (Киево-Печерский Патерик... С. 386-391, 442-457).

²⁹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 200; *Каргер М. К.* Раскопки в Переяславле Хмельницком в 1952–1953 гг. // Советская археология. М., 1954. Вып. 20. С. 5–30; *Асеев Ю. С., Харламов В. А., Сикорский М. И.* Исследование Михайловского собора в Переяславле-Хмельницком // Славяне и Русь (на материалах восточнославянских племен и Древней Руси): сб. науч. трудов. Киев, 1979. С. 122–137; *Комеч А. И.* Архитектура конца X – середины XI века // История русского искусства. Т. 1: Искусство Киевской Руси. IX – первая четверть XII века. М., 2007. С. 112–177.; *Фрезе А. А.* Церковь св. Михаила в Переяславле Русском и византийская архитектура IX – начала XIII века // Актуальные проблемы теории и истории искусства: сб. науч. статей. Вып. 3. / Под ред. С. В. Мальцевой, Е. Ю. Станюкович-Денисовой. СПб., 2013. С. 216–221.

³⁰ *Гайденко П. И.* Священная иерархия Древней Руси: (XI–XIII вв.): Зарисовки власти и повседневности. М., 2014. С. 99.

³¹ Киево-Печерский Патерик... С. 360-363.

Поучения Кирилла Туровского о монашестве и язвительные суждения Даниила Заточника – яркое свидетельство того, что в понимании иноков XI–XIII вв. монашеская аскеза могла вполне успешно сочетаться с реализацией потребностей в хорошей еде, умеренных трудах и удалении от мирских забот³².

Присутствующее в церковной историографии по данному вопросу морализаторство в отношении жизни древнерусских монастырей после смерти Феодосия³³ не только не объясняет присутствующее противоречие, но и заводит читателей в тупик. Проблема не может быть сведена к одним лишь «слабостями» человеческого духа, не покидавшем монаха после принятия им обетов.

Потребность в деньгах и иных материальных ресурсах помимо социальных и ментальных причин во многом извинялась внутренней структурой общины и спецификой монастырского хозяйства. Действительно, ни Феодосию, ни его ученикам так и не удалось привить русскому иночеству идеалов общежития. В итоге, монашеская община была лишена единства, богатые калугеры пользовались внутренней автономией, а выживание обедневших чернецов внутри этого братского сообщества становилось настоящим христианским подвигом. Ещё более усугубляли ситуацию рост числа насельников и принципы организации монастырского хозяйства в XI–XIII вв., всецело зависевшего от внешних пожертвований и вкладов. На протяжении всего домонгольского периода иноческое хозяйство еще не предполагало формирования экономических структур, способных гарантировать иноческой общине благополучное будущее. Деньги и продукты просто «проедались». Что же касается передававшихся монастырям сел, то, скорее всего, монастыри не обладали над ними правами собственности, что в целом соответствовало общей ситуации на Руси³⁴. В итоге монастыри постоянно нуждались в помощи и в привлечении средств со стороны. Результатом описанного положения дел становилась специфическая внутренняя нравственная атмосфера монастырей, о которой вполне определённо высказывался Б. А. Романов³⁵. В послефеодосиевский период она отмечена завистью, ссорами, воровством, и регулярно возникавшими внутримонастырскими конфликтами³⁶. О присутствии

³² Кирилла, епископа Туровского, сказание о черноризском чине из Ветхого Завета и Нового: того носит образ, а этого наполняет делами // Колесов В. В. Творения бл. Кирилла Туровского. Притчи, слова, молитвы. Исследования и тексты / публ., коммент., предисл., пер. В. В. Колесова. М., 2009. С. 53–64; Повесть Кирилла, многогрешного монаха, о белоризцах и о монашестве, о душе и о покаянии — Василию, игумену Печерскому // Колесов В. В. Творения бл. Кирилла Туровского. С. 41–52; Данилевский И. Н. Холопское счастье Даниила Заточника // Казус. 2002. № 4. [Электронный ресурс] // <http://www.orbis-medievalis.ru/library/dan-dan.pdf>, свободный – Проверено 29.03.2017.

³³ Смолч И. К. Русское монашество 988–1917. Жизнь и учение старцев. М., 1999. С. 33–37.

³⁴ О правах собственности на Руси см. подробнее: Рубаник В. Е. Собственность и право собственности: юридические, философские, социологические, экономические подходы в их историческом развитии. В 3 т. Т. 1. Отношения собственности и их отражение в восточнославянской традиции прав собственности. М., 2010.

³⁵ Романов Б. А. Люди и нравы Древней Руси: историко-бытовые очерки. М.; Л., 1966. С. 154–165.

³⁶ В этом отношении примечателен фрагмент из жития уже упоминавшегося Алимпия Печерского: «Черноризцы же эти, обкрадывавшие монастырь, будучи обличены, лишлись всего и изгнаны были из монастыря Печерского. Но и тут они своей злобы не оставили, возводили хулу на блаженного и всем говорили: «Мы написали иконы, а владелец их, не хотя платить нам, вот что замыслил, чтобы лишить нас заработанного нами, — придумал ложь, что иконы, мол, Богом написаны, а не нами изображены». И так убежда-

нездоровой ситуации в Печерской обители и в Антониевом монастыре вблизи Новгорода говорят многочисленные сообщения, в том числе записи об обстоятельствах выборов игуменов. Хорошо известные историкам сюжеты о печерской братии, не сумевшей выбрать себе нового настоятеля после смерти Поликарпа³⁷, и о запрете, налагавшемся на чернецов Антониева монастыря в случае прихода в обитель игуменов, поставленных на мзде и без братского избрания³⁸, говорят не только о сложной канонической ситуации в церкви, но и о крайне непростых отношениях внутри самого монашества. Во-первых, факт возникновения описанных конфликтов указывает на отсутствие единства среди монахов, что, впрочем, естественно. Во-вторых, подобные споры обнаруживали явную неспособность иноков, казалось бы, уже сложившихся общин, приходиться к общему решению.

Впрочем, любой разговор о достатке в монашеской среде не будет полным без выявления того, как воспринималась иноками бедность. И здесь придется признать, что в ней видели, прежде всего, тяжелое испытание и даже бедствие. Такая оценка очевидной скудости, хорошо прослеживается в сетовании, которое прозвучало в летописном сказании о первых годах жизни Печерского монастыря: «мнози бо манастыри от царь . и от боярь и от ба[гат]ства поставлени . но не суть тацци же суть поставлени . но не суть тацци кацци же суть поставлени слезами . и пощением . и м[о]л[и]твю . и бдением»³⁹. Более того материальное обеднение в иноческой не считалась достоинством. Оно обезличивала монаха и лишала его прежнего положения. Патериковый рассказ об Афанасии Затворнике, а точнее вступительное рассуждение о том, как бедная печерская братия с небрежением относилась к себе подобным, более чем показателен. «Брат один, именем Афанасий, проводивший жизнь святую и богоугодную, после долгой болезни умер. Два брата отерли мертвое тело, увили, как подобает, покойника и ушли. Заходили к нему некоторые другие, но, видя, что он умер, также уходили. И так покойник оставался весь день без погребения: был он очень беден, ничего не имел от мира этого и потому был в небрежении у всех, Богатым только всякий старается послужить, как в жизни, так и при смерти, чтобы получить что-нибудь в наследство»⁴⁰. Обеднение приводило к тому, что инок оказывался не только в крайне сложной и стеснённой материальной ситуации, но и в полном пренебрежении со стороны своих собратьев. Это могло породить отчаяние и страх. Именно так описывает Печерский Патерик положение черноризца Еразма после того, как тот истратился на нужды обители: «И дошел он до последней нищеты, и все стали пренебрегать им»⁴¹.

Судя по всему, описанное в Патерике, в значительном большинстве случаев отражало реалии и нравы послефеодосиевского периода, времени, когда иноки смогли вздохнуть от тяжести общежительного устава, бескомпромиссно вводившегося Феодосием в родной обители. Со смертью подвижника, насельники не только сумели добиться признания святости Феодосия, но и переоценили

ли они народ, приходивший посмотреть на иконы, а тем, кто хотел поклониться иконам, они запрещали это, и оттого люди поверили им, оболгавшим блаженного Алимпия» (Киево-Печерский Патерик... С. 464, 465).

³⁷ Киево-Печерский Патерик... С. 486, 487.

³⁸ Сказание о житии преподобного Антония Римлянина... С. 269.

³⁹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 147-148.

⁴⁰ Киево-Печерский Патерик... С. 372, 373.

⁴¹ Там же... С. 384, 385.

его наследие. Они существенно изменили и приспособили нормы монашеского общежития к земным реалиям жизни древнерусского общества и его церковной организации, открыв возможности не только для стяжания духовного совершенства, но и для обеспечения некоторого материального благополучия.

В условиях роста числа монастырей и усложнения отношений внутри церковных корпораций вопросы материального обеспечения становились все более актуальными. Это нашло свое выражение как в некотором росте числа актов, призванных регламентировать финансовую и хозяйственную деятельность храмов и обителей, так и в череде конфликтов, которые так или иначе были связаны с вопросами обеспечения монастырей. Достаточно назвать по крайней мере три таких случая, зафиксированных в источниках: обстоятельства присоединения Дмитрова монастыря к Печерской обители (1128)⁴²; конфликт вокруг имени Авраамия Смоленского⁴³ и обстоятельства судебного разбирательства вокруг епископских вкладов в Дмитров монастырь у Суздаля (1128)⁴⁴.

Всё перечисленное выше не позволяет сделать однозначный вывод о том, как недостаток влиял на внутренний, духовный, строй монашества и иноческих общин. И всё же предварительные наблюдения убеждают в том, что материальное благоустройство монастыря, несомненно, способствовало упорядочению внешних форм жизни и облегчало неудобства на пути личного спасения. Однако вслед за этим недостатком неминуемо приходили формализация духовных связей, недоверие, зависть, кичливость. Что же касается духовной стороны дела, то судя по всему, решающего значения в этом обладание материальными благами не имело, если эти блага были в собственности обители. Иное дело, когда владельцем богатств был чернец. Особенности организации монастыря вынуждали насельника иметь или искать источники дохода. Однако одних это укрепляло, для других – в случае бедности становилось непосильной ношей болезней, одиночества и зависти к более успешным собратьям. Иным при получении желаемых земных благ приходили бесчувственность к нуждам и недугам собратьев и паломников. Впрочем, данный аспект нуждается в иной, более сложной оценке, в основе которой должны лежать методы исторической и религиозной психологии. Что же касается заданного в названии исследования вопроса, то следуя опыту древнерусского иночества, остаётся заключить: можно спастись в роскоши, и это не самый плохой из путей к Богу.

Источники и литература

1. Асеев Ю. С., Харламов В. А., Сикорский М. И. Исследование Михайловского собора в Переяславе-Хмельницком // Славяне и Русь (на материалах восточнославянских племен и Древней Руси): сб. науч. трудов. Киев: Наукова думка, 1979. С. 122–137.
2. Браун П. Поздняя Античность // История частной жизни / под ред. Ф. Арьеса и Ж. Дюби. Т. 1: От Римской империи до начала второго тысячелетия / под ред. П. Вейна и др.: пер. с франц. Т. Пятницыной (предисловие, введение, гл. 1 и 2) и Г. Беляевой (гл. 3, 4 и 5, библиография) под ред. В. Михайлина. М.: Новое литературное обозрение, 2017. С. 269–354.

⁴² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 299.

⁴³ Житие Авраамия Смоленского // БЛДР: Т. 5: XIII век / под ред. Д. С. Лихачёва, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Понырко. СПб., 2005. С. 30–65.

⁴⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 452.

3. Вопросы Кирика, Саввы и Ильи, с ответами Нифонта, епископа Новгородского, и других иерархических лиц // Русская историческая библиотека. Т. 6: Памятники канонического права: Ч. 1: Памятники XI-XV в. СПб., 1880. Стб. 21-62.
4. *Гайдено П. И.* Священная иерархия Древней Руси: (XI-XIII вв.): Зарисовки власти и повседневности. М.: Университетская книга, 2014.
5. *Гайдено П. И., Филиппов В. Г.* Несколько замечаний о интересах церкви в восстании 1113 г. // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2011. Вып. 2. С. 173-184.
6. *Данилевский И. Н.* Холопское счастье Даниила Заточника // Казус. 2002. № 4. [Электронный ресурс] // <http://www.orbis-medievalis.ru/library/dan-dan.pdf>, свободный – Проверено 29.03.2017.
7. *Дорофеева Л. Г.* Человек смиренный в агиографии Древней Руси (XI – первая треть XVII века) // Герменевтика древнерусской литературы: Сб. 16-17 / отв. ред. М. В. Первушин. М.: Ин-т мировой литературы РАН, 2014. С. 9-388.
8. Житие Авраамия Смоленского // Библиотека литературы Древней Руси: Т. 5: XIII век / под ред. Д. С. Лихачёва, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексева, Н. В. Поньрко. СПб.: «Наука», 2005. С. 30-65.
9. Житие Феодосия Печерского // Памятники литературы Древней Руси: XI – начало XII века / сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачёва. М.: «Художественная литература», 1978. С. 305-392.
10. *Каргер М. К.* Раскопки в Переяславле Хмельницком в 1952–1953 гг. // Советская археология. М.: Изд-во АН СССР, 1954. Вып. 20. С. 5–30.
11. Киево-Печерский Патерик // Библиотека литературы Древней Руси: Т. 4: XII век / под ред. Д. С. Лихачёва, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексева, Н. В. Поньрко. СПб.: «Наука», 2004. С. 296-489.
12. Кирилла, епископа Туровского, сказание о черноризском чине из Ветхого Завета и Нового: того носит образ, а этого наполняет делами // *Колесов В. В.* Творения бл. Кирилла Туровского. Притчи, слова, молитвы. Исследования и тексты / публ., коммент., предисл., пер. В. В. Колесова. М.: Палея, 2009. С. 53-64.
13. *Колесов В. В.* Древняя Русь: наследие в слове. В 5 кн.: Кн. 3: Бытие и быт. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2004.
14. *Колчин Б. А., Хорошев А. С., Янин В. Л.* Усадьба новгородского художника XII в. М.: Наука, 1981.
15. *Комеч А. И.* Архитектура конца X – середины XI века // История русского искусства. Т. 1: Искусство Киевской Руси. IX – первая четверть XII века. М.: Северный паломник, 2007. С. 112–177.
16. *Мильков В. В., Симонов Р. А.* Кирик Новгородец: учёный и мыслитель / Памятники древнерусской мысли: исследования и тексты. Вып. VII. М.: Изд-во «Кругъ», 2011.
17. *Морозов М. А.* Императорское ктиторовство при Комнинах и Российские традиции // Труды кафедры истории России с древнейших времён до XX в. / отв. ред. А. Ю. Дворниченко. СПб.: СПбГУ, 2006. С. 362-375.
18. Повесть Кирилла, многогрешного монаха, о белоризцах и о монашестве, о душе и о покаянии – Василию, игумену Печерскому // *Колесов В. В.* Творения бл. Кирилла Туровского. Притчи, слова, молитвы. Исследования и тексты / публ., коммент., предисл., пер. В. В. Колесова. М.: Палея, 2009. С. 41-52.

19. Романов Б. А. Люди и нравы Древней Руси: историко-бытовые очерки. М.; Л.: Наука, 1966.
20. Рубаник В. Е. Собственность и право собственности: юридические, философские, социологические, экономические подходы в их историческом развитии. В 3 т. Т. 1. Отношения собственности и их отражение в восточнославянской традиции прав собственности. М.: Юрлитинформ, 2010.
21. Сказание о житии преподобного Антония Римлянина // Святые русские римляне: Антоний Римлянин и Меркурий Смоленский / подг. текстов и исслед. Н. В. Рамазановой. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. С. 233-272.
22. Смолич И. К. Русское монашество 988-1917. Жизнь и учение старцев. М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 1999.
23. Тихомиров М. Н. Крестьянские и городские восстания на Руси XI-XIII вв. // Тихомиров М. Н. Древняя Русь. М.: Наука, 1975. С. 42-232.
24. Фрезе А. А. Церковь св. Михаила в Переяславле Русском и византийская архитектура IX – начала XIII века // Актуальные проблемы теории и истории искусства: сб. науч. статей. Вып. 3 / Под ред. С. В. Мальцевой, Е. Ю. Станюкович-Денисовой. СПб.: НП-Принт, 2013. С. 216–221.
25. Эксле О. Г. Проблема возникновения монашества // Другие средние века. К 75-летию А. Я. Гуревича / Сост. И. В. Дубровский, С. В. Оболенская, М. Ю. Парамонова. М.; СПб.: Университетская книга, 1999. С. 358-375.
26. McGuckin J. P. Monasticism in the Christian East: an Introduction. *Orthodox Monasticism Past and Present* / Edited by John A. McGuckin. Piscataway, NJ: Gorgias Press, 2015, p. 21-34.